
О. Э. Душин

Дифференциация платонизма и аристотелизма в историко-философской концепции А. Ф. Лосева

УДК 1(38+470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_114
EDN JOBZGX

Аннотация: В статье рассматривается концепция А. Ф. Лосева, представляющая понимание платонизма и аристотелизма как ключевых трендов европейского философствования. Автор обращается к историко-философской перспективе развития этих направлений, чтобы выявить специфику и особенности интерпретаций русского философа. Позиция Лосева тяготеет к византийской традиции христианского неоплатонизма, в рамках которой особое значение приобретает не логическая дедукция, а реальная практика жизни, опыт аскезы. В итоге, в статье отмечается, что для А. Ф. Лосева Аристотель является продолжателем дела своего учителя, что у него гораздо больше общих моментов с Платоном, чем различий.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, неоплатонизм, Фома Аквинский, Марсилио Фичино, А. Ф. Лосев.

Об авторе: **Олег Эрнестович Душин**

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и теории искусства Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой.

E-mail: odushin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>

Для цитирования: Душин О. Э. Дифференциация платонизма и аристотелизма в историко-философской концепции А. Ф. Лосева // Русско-Византийский вестник. 2025. № 4 (23). С. 114–123.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.08.2025.

Oleg E. Dushin

**Differentiation of Platonism and Aristotelianism
in the historical and philosophical concept of A. F. Losev**

UDC 1(38+470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_114
EDN JOBZGX

Abstract: The article concerns with the concept of Aleksey F. Losev, representing the understanding of Platonism and Aristotelianism as key trends in European philosophizing. The author studies the historico-philosophical perspective of the development of these trends in order to identify the specific and feature of the interpretation of the Russian philosopher. Losev's position links with the Byzantine tradition of Christian Neoplatonism, within which not the logical deduction, but the practice of real life, the experience of asceticism, acquires a special significance. As a result, the article stresses that according to Aleksey Losev Aristotle is the continuer of work of his teacher, that he has much more in common with Plato than differences.

Keywords: Plato, Aristotle, Neoplatonism, Thomas Aquinas, Marsilio Ficino, Aleksey Losev.

About the author: Oleg Ernestovich Dushin

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Chair of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Ballet Academy.

E-mail: odushin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>

For citation: Dushin O. E. Differentiation of Platonism and Aristotelianism in the historical and philosophical concept of A. F. Losev. *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 4 (23), pp. 114–123.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.08.2025.

Введение

В современном историко-философском дискурсе платонизм и аристотелизм часто представляют в качестве исходных направлений развития и дифференциации европейской метафизики, которые находятся в процессе взаимного притяжения и отталкивания. Экспликация философского содержания этих традиций развертывается от их родоначальников Платона и Аристотеля через позднеантичный неоплатонизм к христианской патристике и средневековой схоластике, затем к ренессансному гуманизму и вплоть до новейших неоаристотелевских штудий в современной англо-американской аналитической философии. При этом немаловажно, что между христианским богословием и философией античного неоплатонизма имеется не только определенная интеллектуальная преемственность, но и существенные различия, обусловленные, в частности, приоритетом поступка в понимании акта Божественного творения мира и в деятельности человека.

Так или иначе, эти два ведущих философских тренда сыграли свои примечательные роли в становлении и размежевании христианских конфессий. Православный Восток оказался в большей мере связан с неоплатонизмом, тогда как латинский Запад — с Аристотелем. В свою очередь, формирование доктрины протестантизма задавалось резкой критикой влияния античного «Философа». Дифференциация платонизма и аристотелизма прослеживается и в других религиях Откровения. Причем первое направление реализуется преимущественно в мистическом опыте богопознания, а второе — в логико-дискурсивных стратегиях схоластики. При этом они находятся в определенном взаимодействии.

В данном плане историко-философская концепция А. Ф. Лосева отражает знаковые интерпретации учений Платона и Аристотеля. В частности, подход русского ученого тяготел к византийской традиции христианского неоплатонизма. Таким образом, задача представленного исследования заключается в том, чтобы увидеть позицию Алексея Федоровича Лосева в перспективе экспликации платонизма и аристотелизма в европейской философии.

Платонизм versus аристотелизм в истории европейской мысли

Экспликация особенностей философских течений платонизма и аристотелизма в истории европейской мысли сталкивается с серьезной проблемой, которая обусловлена сложностями теоретического определения и содержательного наполнения данных универсалий. Преодолеть указанное затруднение, по всей видимости, можно только в перспективе освоения исторических форм существования этих школ и выявления степени их признания и меры влияния в культуре.

Как известно, позднеантичные неоплатоники воспринимали Аристотеля в качестве представителя своей школы, хотя такой выдающийся неоплатоник как Плотин критиковал Аристотеля, но показательно, что он был знаком с трудами Стагирита и с комментариями на них Александра Афродисийского. В свою очередь, его ученик и последователь Порфирий совершенно спокойно написал предисловие и комментарий к аристотелевским «Категориям», которые были переведены Северином Боэцием на латинский язык и стали своего рода учебным пособием в системе средневекового образования. Причем Боэций, в философских воззрениях которого совместились идеи и принципы платонизма, аристотелизма и стоицизма, вынашивал планы перевода всех сочинений Платона и Аристотеля, но в силу трагических обстоятельств его жизни им не суждено было сбыться. В целом, для неоплатоников от Плотина до Боэция аристотелизм представлялся неотъемлемой составной частью их философской традиции. В этой связи в их понимании различие между Платоном и Аристотелем задавалось лишь разницей в определении и употреблении отдельных философских понятий. Тем не менее, они признавали преимущественный авторитет «божественного» Платона в высшей науке метафизике, а достижения Аристотеля сводили лишь к сферам вторичных наук логики и физики.

В свою очередь, в основании богословской мысли православной Византии заложена концепция христианского неоплатонизма, тогда как в средневековой университетской схоластике на католическом Западе уникальный статус самого главного и авторитетного «Философа» (Philosophus) приобрел Аристотель. Однако первоначальное отношение к философии неоплатонизма на христианском Востоке было не столь однозначным, ибо ее воспринимали в качестве проповеди язычества. Но вместе с официальным признанием христианства ситуация заметно изменилась, платонизм как стратегия познания мира оказался крайне востребован в процессе становления православного богословия. Кроме того, в Византии хорошо знали тексты Стагирита, их активно изучали в школах, а его строгие логические дистинкции были востребованы в теолого-догматических построениях.

И все же с точки зрения влияния философии приоритетную роль в православном богословии приобрела традиция христианского неоплатонизма, воспринимавшаяся в качестве особой практики духовно-аскетической жизни, монашеского делания, хранения сердца. Притом византийская святоотеческая мысль задавалась особым эстетическим восприятием сотворенного мира, воплощавшим в себе идеи высшего блага и вселенской красоты, что, в свою очередь, сформировалось явно не без влияния философии неоплатонизма. Проявления дифференциации платонизма и аристотелизма обнаруживают и в знаменитых исихастских спорах, но такая интерпретация вызывает вполне обоснованные возражения¹. Следует напомнить, что основная стратегия монашеской аскезы в исихазме предполагала культивирование внутренней сосредоточенности и опыта безмолвия, причем сам термин *ἠσυχία* (исихия) означает «тишина», «молчание», что прямо противоречило практикам античного философского диалога и принципу открытости в организации жизни афинского полиса.

По мнению русского философа-славянофила А. С. Хомякова, развивавшего идеи И. В. Киреевского, католицизм задается «логической рассудочностью», которая определяет перспективу становления всей западноевропейской культуры от Аристотеля через схоластику к гегельянству и характеризуется предельным господством рационализма, когда человеческое познание полностью отвлекается от бытия и торжество разума реализуется «в новом создании целого мира»². В самом деле, начиная с XIII в. античный «Философ» становится на Западе своеобразным символом средневековых университетов и всей системы схоластической учености³. По сути, для того

Платон.
Национальный музей Прадо, Мадрид.
Скульптор — предположительно,
Винченцо Гранди, 1525–1550 гг.

¹ См.: *Маковецкий Е. А.* Платоники и аристотелики XIV в.: пять сочинений Г. И. Недетовского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 3. С. 148–161.

² *Хомяков А. С.* По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // *Его же*. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Унив. тип., 1900. С. 267.

³ См.: *Dod Bernard G.* Aristoteles Latinus // *The Cambridge History of Later Medieval Philosophy. From the Rediscovery of Aristotle to the Disintegration of Scholasticism, 1100–1600.* Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg, E. Stump. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 43–79; *Van Steenberghen Fernand.* Aristotle in the West: The Origins of Latin Aristotelianism. Louvain: E. Nauwelaerts, 1955.

Аристотель.

Национальный музей Прадо, Мадрид.
Скульптор — предположительно,
Винченцо Гранди, 1525–1550 гг.

времени изучать философию означало читать и комментировать сочинения Стагирита. С ним ассоциируется своего рода интеллектуальная революция. Причем стратегии аристотелевского дискурса были достаточно широко востребованы в становлении практик юриспруденции и формировании этико-правовых норм средневековых городов. Интеллектуализм античного философа в вопросах нравственности, который унаследовал Фома Аквинский, оказался созвучен интенциям рационализации поведения средневековых бюргеров⁴.

Интересно, что Фома Аквинский, самый авторитетный средневековый богослов современного католицизма, не зная греческого языка, показал, что трактат «Книга о причинах» был связан с платонизмом, а не с Аристотелем. При этом он очень высоко ценил наследие Стагирита, часто ссылаясь на его сочинения, чем вызвал шквал жесткой критики со стороны родоначальника Реформации Мартина Лютера, для которого такого рода подход представлялся чуть ли ни проявлением власти антихриста⁵. Таким образом, дифференциация платонизма и аристотелизма послужила исходным пунктом не только

для различения двух ведущих школ европейской мысли и утверждения ключевых стратегий философствования, но сыграла свою заметную роль в процессе разделения крупнейших конфессий христианства и утверждения специфики ментальных структур греческого Востока и латинского Запада.

Однако в полной мере противопоставление двух выдающихся античных мудрецов утвердилось лишь в эпоху Возрождения, когда в ренессансной Италии были сформулированы предельные подходы в отношении признания приоритета Платона и Аристотеля в общем развитии философии. Важную миссию в этой дискуссии осуществили византийцы. Тенденции к примирению противоречий между двумя великими мыслителями и школами их последователей, присущие ренессансным философам от Франческо Петрарки до Марсилио Фичино и Пико дела Мирандолы, сменились утверждением их прямой противоположности. В этой связи символично выглядит знаменитая фреска Рафаэля «Афинская школа», где среди изображений множества философов разных эпох Платон и Аристотель предстают в качестве центральных фигур, при этом первый несет с собой трактат «Тимей» и указывает рукой на небеса, а второй держит «Никомахову этику» и показывает на землю.

Противопоставление философских позиций великих древнегреческих мыслителей достигло своего апогея в 1458 г., когда Георгий Трапезундский опубликовал сочинение «Сопоставление Платона и Аристотеля» (*Comparatio Platonis et Aristotelis*), в котором представил Платона и его последователей в качестве тайных поборников ислама и даже обвинил их в падении Византии, а Аристотеля изобразил в роли мыслителя, предельно близкого по своим идеям к содержанию христианской доктрины. В свою очередь, в защиту античного философа выступил знаменитый Виссарион Никейский,

⁴ См.: Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. С. 183–185. (Социологическое наследие).

⁵ См.: Janz Denis. Luther on Thomas Aquinas. The Angelic Doctor in the Thought of the Reformer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989.

который в 1469 г. издал трактат «Против клеветника на Платона» (*In calumniatorem Platonis*), где изложил основы платонизма и опроверг все необоснованные выпады Григория Трапезундского⁶. В итоге, их былые дружеские отношения были окончательно испорчены.

В целом, ренессансную философию невозможно себе представить вне образно-художественной стратегии познания неоплатонизма, без метафизики света и идеальной эротики Платона, вне деятельности знаменитой Флорентийской Академии во главе с Марсилио Фичино. Именно он познакомил Западную Европу с полным корпусом трудов Платона, с сочинениями его выдающихся последователей Порфирия, Плотина, Ямвлиха, которые перевел на латинский язык. В Средние века западноевропейским ученым на латыни была доступна лишь часть платоновского «Тимея» в переводе и с комментариями Халкидия, затем в XII в. Генрих Аристипп перевел диалоги «Менон» и «Федон», а в XIII в. Вильем из Мёрбеке выполнил перевод «Первоначал теологии» Прокла. Тогда как все труды Аристотеля и его многочисленных античных, византийских, иудейских и исламских комментаторов были переведены к середине XIII в.

Выдающееся значение в трансляции философии неоплатонизма в средневековой Европе приобрели работы Аврелия Августина, самого авторитетного западного богослова Средних веков, признанного в 1298 г. Учителем Римско-католической церкви. Однако имелись и иные пути усвоения этого великого наследия античной культуры. Таким образом, на латинском Западе также присутствовала и развивалась традиция философии неоплатонизма. Причем устоявшееся представление об исключительном торжестве платонизма в культуре Возрождения в противовес средневековой схоластики, в рамках которой особым статусом пользовался Стагирит, следует дополнить примечательной историей рецепции аристотелевской «Поэтики», что демонстрирует вполне конкретное влияние «Философа» на развитие ренессансной мысли.

Как известно, первый перевод «Поэтики» на латынь был сделан с арабского языка еще в XIII в. Но он не получил широкой популярности и признания, к нему не писались комментарии, для чего были свои веские основания, обусловленные самой проблематикой аристотелевского трактата. Однако этот средневековый перевод был напечатан в 1481 г., затем в 1498 г. был опубликован перевод с греческого оригинала, выполненный легендарным итальянским гуманистом Джорджо Валла. В свою очередь, древнегреческий текст был издан в 1508 г. И с этого времени «Поэтика» стала предметом многочисленных комментариев, толкований, вокруг нее разворачивались широкие научные дискуссии, ее то превозносили как высший авторитет в понимании основ изящной литературы и театрального искусства, то отвергали, но потом опять возвращались к ее содержанию и вновь признавали принципы аристотелевской эстетической теории⁷.

В новоевропейской философии, ориентированной на разработку методологии научного познания, Платон и Аристотель утратили свой былой авторитет и величие, они стали ассоциироваться с наследием средневековой схоластики и с ее абстрактными метафизическими конструкциями, лишенными реального значения для действительного познания природы. Причем основной пафос критики со стороны ученых Нового времени был направлен на Аристотеля как главного авторитета схоластики в области философии. Такой позиции придерживался родоначальник эмпирической методологии научного познания Фрэнсис Бэкон. Для него метод аристотелевской силлогистики был совершенно неприемлем, ибо он имел отвлеченный характер и ничего не давал для опытного познания мира. В процессе последующего развития новоевропейской мысли Платон и Аристотель приобрели статус выдающихся философов, за ними признали уникальные диспозиции в истории европейской метафизики, но они утратили свою актуальность, их наследие стало восприниматься лишь как часть прошлого.

⁶ См.: *Виссарион Никейский. Против клеветника на Платона* / Пер., комм., вступ. статья М. В. Семиколенных. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.

⁷ См.: *Шестаков В. П. Катарсис: от Аристотеля до хард рока* // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / Сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. СПб.: Алетейя, 2007. С. 13–14. (Мир культуры).

Опосредованное возвращение к аристотелизму произошло в католической традиции в XIX в., когда в пике принципам иррационализма и волюнтаризма, возобладавшим в европейской философии, в 1879 г. была опубликована энциклика папы Льва XIII «Вечный отец» (*Aeterni Patris*), утвердившая исключительный авторитет Фомы Аквинского в делах веры. После издания этой энциклики все католические университеты были обязаны преподавать томизм, при этом была учреждена специальная Академия для обучения преподавателей.

В XX в. исследования аристотелизма оказались связаны по большей мере с англо-американской аналитической философией, само название которой созвучно логическим трактатам Стагирита «Первая и вторая Аналитика». В рамках данного направления сформировались не только новые векторы научных изысканий — от философии языка до проблем прикладной этики и теории политического либерализма, но и были реализованы разнообразные программы историко-философских штудий, центрами осуществления которых явились знаменитые британские университеты Оксфорда и Кембриджа.

А. Ф. Лосев как историк философии о Платоне и Аристотеле

В трагических перипетиях развития русской мысли в советский период А. Ф. Лосев обрел свое научное призвание в области истории философии, в исследованиях античного философского наследия. При этом вокруг него сформировался кружок, объединивший таких видных гуманитариев как С. С. Аверинцев, В. В. Библихин, С. С. Хоружий, и с легкой руки последнего данное научное объединение получило название «Московская школа христианского неоплатонизма»⁸. Тем самым, это содружество ученых внесло свою лепту в развитие традиций философии платонизма. В этой связи Алексей Федорович Лосев совместил в себе дух русской культуры Серебряного века, интеллектуальную атмосферу Русского религиозного ренессанса, с представителями которого он был лично знаком и слушал их лекции, и стратегии советской философии, особенно касательно экспликации диалектических форм мышления. Причем русская религиозная философия была укоренена в традицию христианского неоплатонизма. В этом плане родоначальник философии всеединства В. С. Соловьев не только написал известную статью «Жизненная драма Платона» и предложил «биографический» метод интерпретации учения древнегреческого мудреца, но и выступил в роли главного редактора издания Полного собрания сочинений Платона, сам переводил его диалоги на русский язык и выстраивал концепцию публикации его трудов⁹.

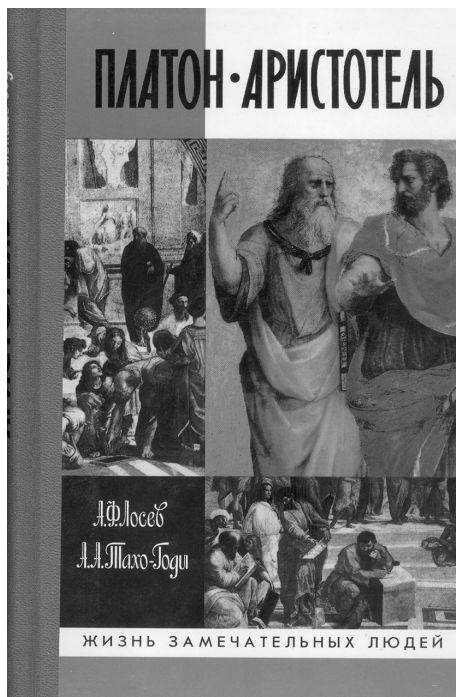
В своих работах А. Ф. Лосев часто обращался к учениям Платона и Аристотеля и стремился выявить соответствующие особенности развития платонизма и аристотелизма в истории европейской мысли. Во-первых, в указанном контексте научный интерес представляют издания А. Ф. Лосева конца 20-х гг.: «Диалектика числа у Платина» и «Критика платонизма у Аристотеля». Эти книги являются соответствующими комментированными переводами «О числах» Платина (*Эннеады VI, 6*) и XIII–XIV книг «Метафизики», в которых разбирается проблематика онтологического статуса чисел. Во-вторых, Платону и Аристотелю посвящены три тома его фундаментальной «Истории античной эстетики», но и в остальных томах затрагивается перспектива становления и развития платонизма и аристотелизма в рамках позднеантичной философии. В-третьих, следует отметить книгу «Платон. Аристотель», подготовленную А. Ф. Лосевым в соавторстве с Азой Алибековной Тахо-Годи, которая вышла

⁸ См.: Хоружий С. С. Имяславие и культура Серебряного века: феномен московской школы христианского неоплатонизма // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения: 5–7 марта 2001 г. / Сост. М. А. Васильева, А. П. Козырев. М.: Русский путь, 2003. С. 191–207. (Библиотека фонда «Русское Зарубежье»: материалы и исследования; Вып. 4).

⁹ См.: Тихеев Ю. Е. Владимир Соловьев — издатель «Творений Платона» // Соловьевские исследования. Вып. 1 (45). 2015. С. 6–15.

в популярной серии «Жизнь замечательных людей», но при этом обладает вполне конкретным научным значением. В ней демонстрируется особое понимание взаимосвязи Аристотеля с Платоном. По мнению авторов, Аристотель как «верный» и «ближайший ученик Платона» многое унаследовал от своего учителя. При всей своей юношеской напыщенности он «часто говорит не „я“, а „мы“, то есть подразумевает себя в числе учеников школы Платона», — отмечают исследователи¹⁰. Но в то же время они признают, что для Стагирита «идея» вещи находится внутри самой вещи, и это «есть то основное и принципиальное, в чем заключается аристотелизм и его отличие от платонизма»¹¹. Разумеется, Лосев рассматривал данную проблематику во многих своих работах. Для него линии Платона и Аристотеля приобрели статус основополагающих измерений развития европейской философии, но при признании исключительного приоритета Платона.

Следуя концепции А. Ф. Лосева, в истории античной философии Платон олицетворяет «высокую классику», тогда как Аристотель ассоциируется с «поздней классикой», его учение складывается после Платона и в этом плане является завершением классической традиции древнегреческого философствования. Аристотель, по Лосеву, идет своим путем, однако сам этот путь оказывается возможен только благодаря тому, что уже осуществил Платон. Ученый прямо утверждает, что «Аристотель является не противником Платона, но его дальнейшим продолжателем»¹². Их различие задается не глобальным признанием или отрицанием мира идей, а лишь стратегиями познания. Русский философ постоянно подчеркивал данную специфику их позиций. Платон как наставник был обращен к общим принципам философствования, а Аристотель как его последователь был ориентирован на различные дифференциации и нюансы логических определений. Но оба — и учитель, и ученик — были приверженцами «объективно-идеалистической эстетики», согласно вокабулярию А. Ф. Лосева. Таким образом, в его понимании их объединяло гораздо больше, чем разделяло; у них была «общая система соотношения разных слоев бытия»¹³. В этом плане и неоплатонизм, ярким представителем которого был критик Аристотеля Плотин, все же являет собой «синтез платонизма и аристотелизма»¹⁴.

Книга А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи о Платоне и Аристотеле, изданная в серии «ЖЗЛ» (3-е изд., испр. и доп., 2005)

¹⁰ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 197. (Жизнь замечательных людей; Вып. 723).

¹¹ Там же. С. 153.

¹² Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000, С. 8.

¹³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. С. 513.

¹⁴ Троицкий В. П. О смысле чисел // Лосев А. Ф. Критика платонизма у Аристотеля (перевод и комментарий XIII и XIV книги «Метафизики» Аристотеля). М.: Академический проект, 2011. С. 10. (Философские технологи: философия).

Заключение

В итоге, следует признать, что даже такая краткая экспликация становления и развития направлений платонизма и аристотелизма в истории европейской метафизики убедительно демонстрирует их огромную интеллектуальную и мировоззренческую значимость. Они повлияли не только на процесс утверждения позднеантичной философии, но и напрямую воздействовали на формирование христианской теологии, развитие святоотеческой мысли и средневековой схоластики, внесли свой вклад в дифференциацию христианских конфессий, в утверждение разных практик богопознания, причем во всех трех религиях Откровения. В конечном счете, это стало одной из причин формирования духовной оппозиции православного Востока и католического Запада.

В свою очередь, дискуссии вокруг наследия Платона и Аристотеля явились важной составной частью ренессансной философии. Именно в этот период утверждается крайняя степень различия в понимании данных трендов. В эпоху Нового времени возникли иные проблемы и вызовы, эта дифференциация утратила свое былое влияние, но сохранила свое подспудное присутствие.

Как известно, русская религиозная философия была ориентирована исключительно на тренд христианского неоплатонизма. В частности, для А. Ф. Лосева было несомненным, что при наличии некоторых противоречий платонизм и аристотелизм неразрывно связаны между собой, они составляют единую систему мысли, внутри которой имеется определенная дифференциация дискурсов.

Источники и литература

1. *Виссарий Никейский*. Против клеветника на Платона / Пер., комм., вступ. статья М. В. Семиколенных. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.
2. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. (Социологическое наследие).
3. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
4. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992.
5. *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 197. (Жизнь замечательных людей; Вып. 723).
6. *Маковецкий Е. А.* Платоники и аристотелики XIV в.: пять сочинений Г. И. Недетовского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 3. С. 148–161.
7. *Тихеев Ю. Б.* Владимир Соловьев — издатель «Творений Платона» // Соловьевские исследования. Вып. 1 (45). 2015. С. 6–15.
8. *Троицкий В. П.* О смысле чисел // *Лосев А. Ф.* Критика платонизма у Аристотеля (перевод и комментарий XIII и XIV книги «Метафизики» Аристотеля). М.: Академический проект, 2011. С. 5–24. (Философские технологи: философия).
9. *Хомяков А. С.* По поводу отрывков, найденных в бумагах И. В. Киреевского // *Его же*. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Унив. тип., 1900. С. 262–284.
10. *Хоружий С. С.* Имяславие и культура Серебряного века: феномен московской школы христианского неоплатонизма // С. Н. Булгаков: Религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения: 5–7 марта 2001 г. / Сост. М. А. Васильева, А. П. Козырев. М.: Русский путь, 2003. С. 191–207. (Библиотека фонда «Русское Зарубежье»: материалы и исследования; Вып. 4).
11. *Шестаков В. П.* Катарсис: от Аристотеля до хард рока // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / Сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. СПб.: Алетея, 2007. С. 8–27. (Мир культуры).

12. *Dod Bernard G.* Aristoteles Latinus // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy. From the Rediscovery of Aristotle to the Disintegration of Scholasticism, 1100–1600. Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg, E. Stump. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 43–79.

13. *Janz Denis.* Luther on Thomas Aquinas. The Angelic Doctor in the Thought of the Reformer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989.

14. *Van Steenberghen Fernand.* Aristotle in the West: The Origins of Latin Aristotelianism. Louvain: E. Nauwelaerts, 1955.